

И. О. СОБЕННИКОВА

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СИБИРИ
(на примерах конкретных личностей XVII —
начала XX века)**

Считается, что присоединение всех земель, от Урала и до Дальнего Востока — Азиатской части России — началось с похода Ермака со своими казаками и заняло лет 50. Хотя за Урал ходили и задолго до него, а в 1544 году на карте уже имелась Обь, но с притоком без названия, на которой был обозначен город Sibig [12]. И только в июле 1587 года Сибирское ханство было присоединено к России официально. И тогда-то именно пошли в Сибирь русские поселенцы.

Удержать, а потом и развивать такую громадную новую территорию можно было только благодаря людям, и в Сибири побывали, как пишут, представители почти всех известных в то время в Московском государстве семей [8].

Новые земли нуждались в руководстве — сильном, грамотном, деятельном и лояльном. И первый боярин, отбывший в Сибирь в 1615 году, удовлетворял этим требованиям: «талантливый и прославленный боевыми успехами», хороший дипломат, видный участник Смутного времени [18].

Это был князь Иван Семенович Куракин, принадлежавший к древнему роду Гедиминовичей, великих князей Литовских, перешедших на службу к русским князьям еще в начале XV века. Он был главным начальником над московскими отрядами против поляков; привел московское войско в Александровскую слободу навстречу войскам Скопина. В 1608 году разбил польскую армию под командованием Лисовского

на берегу реки Москвы; в 1614 году оборонял г. Москву от крымских татар [4], а затем был послан «в Тобольск воеводой с 24 января 1616 по 21 мая 1620 года» [3].

Умный воевода понимал свои задачи гораздо шире, мог предвидеть, как на месте острогов и постов будут развиваться первые сибирские города. Он не только занимался сбором податей и отправкой их в центр России, но и в целом брал на себя решение всех местных дел, включая гражданские и военные.

При боярине князе Иване Куракине в 1618 году был поставлен г. Кузнецк с церковью, в 1619 году — Енисейский острог, тоже с церковью, который обеспечил русским господство на среднем Енисее [1].

Русские быстро занимали захваченные земли, по пути истребляли соборей из-за ценности меха и обирали налогами (ясаком) местное население. Князь пытался остановить этот беспредел и распорядился запретить вывозить мягкую рухлядь [мех. — *И. С.*] с сибирского морского побережья, вследствие невозможности прекратить там насилие торговцев над инородцами [13]. Всем хотелось обогатиться за счет меха, который фактически являлся в то время нашей валютой и был дорог. Лучшая соболиная шкурка стоила немало — 30 рублей, а годовое жалованье стрельца или казака в XVII веке составляло всего 5 рублей. И, хотя на дневное пропитание уходило несколько копеек (в ходу были деньги стоимостью полкопейки и четверть копейки), пуд сахара в Тобольске стоил 7 рублей, в Енисейске — 10 рублей, а в Иркутске доходил до 14 и даже 20 рублей [20].

Князь И. С. Куракин пробыл в Сибири 5 лет. Вернувшись домой, он написал труд, изданный в г. Москве его потомками в 1907 году — «Чаша государева» [9], где князь прямо и открыто заявлял о своей любви к Родине, о необходимости порядка и мира в государстве, о полной преданности своей самодержавному царю [19]. Это было царствование Михаила Романова. Князь И. С. Куракин умер в г. Москве в 1632 году.

Однако далеко не все благополучно возвращались. Сложности в Сибири подстерегали самые разные: болезни, стычки с инородцами, разногласия в своем окружении.

Надо сказать, что среди первопроходцев оказались предки по линии моей прабабки, урожденной Нефедьевой, а поэтому хотелось бы остановиться основательнее в хронологическом порядке на биографиях некоторых членов рода.

Когда в 1710 году при губернаторе князе Якове Петровиче Гагарине был составлен список бывших на службе «вольновыходцев» российских дворян, которые так и остались в Сибири, то в нем среди 40 перечисленных фигурировала и фамилия Нефедьевых, получивших дворянство

в 1635 году [21]. Первые представители этого рода почти сразу были посланы в Сибирь, а поэтому их многочисленные потомки достаточно часто упоминаются в связи с разными видами деятельности, в том числе много судеб связано с казачеством. У каждого из них своя судьба, а вот гены якутские от смешения с инородками продолжают переходить из поколения в поколение до сегодняшнего времени, включая автора этой статьи.

Одним из первых в несении госслужбы на территориях, впоследствии относящихся к Иркутской губернии, в 1648 году упоминается московский дворянин Василий Нефедьев. Он совершил из Верхотенска с казаками и промышленными людьми поход против унгинских бурят, что были расселены в долинах реки Унги и ее притоков, в среднем течении Оки, а также по западному берегу Ангары, для приведения в покорность и наказания их за набег на наши укрепления. Многие были недовольны русским владычеством [17].

До определенного времени фамилия Нефедьевых часто связана с военной службой, с казачеством. Якутские окладные книги за 1681-1706 годы упоминают среди рядовых казаков Стеньку Алексея Нефедьева; в марте 1712 года полковник у конных казаков Тобольска Ф. Ф. Пушкин сменил место прежнего полковника Петра Нефедьева, [11] в 1798 году упоминается бывший дивизионный начальник казацкого войска, состоявшего по Сибирской линии, генерал-лейтенант Нефедьев [15].

Многие представители этого рода — жители г. Иркутска, а впоследствии Кяхты, где их торговая, промышленная и золотодобывающая деятельность продолжалась в 2-3-х поколениях. В 1740-е годы несколько Нефедьевых уже занимаются коммерцией и числятся иркутскими купцами: Петр Петрович Нефедьев и Гаврила Нефедьев [10]. «Иркутские губернские ведомости» за 1857 год отмечают движение торговых людей между г. Иркутском и Кяхтой. В этой же газете за 1858 год говорится о золотом прииске купца Нефедьева по речке Хок-Юрт, впадающей в Хончигир, а из № 44 газеты узнаем, что иркутский купец Петр Нефедьев оказался компаньоном Бичурского свеклосахарного завода, который располагался сравнительно неподалеку от г. Кяхты.

Оставил о себе память иркутский иконописец и позолотчик Иван Андреевич Нефедьев (родился в 1772 году), который расписывал храмы в г. Иркутске, в Якутии, Нерчинский Воскресенский собор (1837-1841), Посольский Спасо-Преображенский собор (1817). В Иркутском областном художественном музее хранится портрет епископа Михаила Бурдукова (Инв. № Ж-992), на обороте которого есть надпись: «Иркутск 1834 г. Нефед...» [22].

С первой половины XIX века в Кяхте вместе со своими мужьями проживали мать моей бабушки — Агния Андреевна Нефедьева (умерла

А. А. Чарушина

Троицкосавскъ

Агния Андреевна Молчанова,
урожденная Нефедьева
(умерла в 1899 году в г. Кяхте)

рядом золотых приисков в Забайкалье, имела парохозяйство. На всех предприятиях фирмы было занято 1500 человек [6].

В этой семье родились моя бабушка — Александра Александровна Молчанова (в 1869 году), ее сестра Клавдия и четверо братьев. Старший, Никон Александрович Молчанов, являлся одним из трех совладельцев ТД «Собенников и бр. Молчановы». Все братья Молчановы имеют свои интересные судьбы и соответствующий, часто весьма внушительный, вклад не только в Сибирский регион, а во всю Россию.

Отдел геральдики Российского государственного исторического архива содержит довольно полную биографическую информацию об одном из сыновей Молчанова и Нефедьевой — Михаиле Александровиче Молчанове (родился 7 ноября 1877 года по ст. стилю в г. Кяхте), который посвятил много лет жизни военной службе в Забайкалье почти до самой революции.

Это был грамотный молодой человек, окончивший полный курс по коммерческому отделению (1895 год). С двадцатилетнего возраста Михаил согласно его прошению состоял на военной службе на правах вольноопределяющегося 1-го разряда; в следующем году произведен в ефрейторы; после успешного

в 1899 году в г. Кяхте) и ее сестра Алевтина Андреевна. Обе сестры Нефедьевы были замужем за кяхтинскими купцами чаоторговцами Молчановыми по двум разным линиям, но прибывшими тоже из г. Иркутска.

Муж Агнии Андреевны и мой прадед — Александр Аверкиевич Молчанов (умер в 1885 году), купец 2-й гильдии, почетный гражданин г. Кяхты. В 1871 году был в заседаниях Кяхтинской городской ратуши, т. е. входил в число управляющих городом, ведал судебными и финансовыми делами. А с открытием в 1876 году в Кяхте-Троицкосавске Алексеевского реального училища, стал членом его первого Попечительского совета [16]. А. А. Молчанов, богатый купец,

являлся одним из организаторов в 1876 году фирмы «Приамурское товарищество», которая занималась пушной торговлей на севере Якутии, на Чукотке, в Монголии; владе-

Михаил Александрович Молчанов
(1877-1917/18) с женой Марией,
урожденной Деньгиной

окончания курса учебной команды был произведен в младшие унтер-офицеры; в 1898 году держал экзамен на чин прапорщика запаса и успешно его выдержал.

Со следующего года хлопочет в столице по переводу его из мещанского в купеческое звание. Летом (1900 год) снова призван на военную службу, назначен на формирование Верхнеудинского запасного пехотного полка, предназначенного для подавления боксерского восстания в Китае, но в связи с изменением своего семейного положения уволен в запас.

Михаил Молчанов венчался в Кяхтинской воскресной церкви с дочерью кяхтинского купца 2-й гильдии Нила Иванова Деньгина Марией. Поручителями в церкви со стороны жениха были мой дед, Василий Алексеевич Собенников,

тогда еще сорокалетний отец семейства, и кяхтинский мещанин Алексей Николаев Нефедьев, родственник его матери, урожденной Нефедьевой.

Со дня увольнения в запас и до конца февраля 1904 года Михаил Молчанов при поддержке своих более опытных родственников, занимался торговлей пушным товаром в г. Кяхте и других местах России, как кяхтинский купец; с 1907 года перешел во 2-ю гильдию.

По Высочайшему повелению на объявленное военное положение Сибирского края, он 24 февраля 1904 года вновь вступил в действующую армию против японцев, в офицерском чине, и прослужил до самого окончания военных действий в 1906 году.

17 марта 1906 года прапорщик запаса Михаил Молчанов вновь зачислен на учет в Управление Верхнеудинского воинского начальника. За заслуги на военной службе Михаилу пожалован орден Святого Станислава III степени.

24 февраля 1907 года он был призван из запаса и назначен исполняющим делами заведующего хозяйством, а затем — заведующим 5-м отделением конского запаса. В общей сложности Михаил Молчанов прослужил на пользу государства на военной службе в офицерском чине восемь лет.

В г. Москву и Санкт-Петербург чета Молчановых выбирались не раз. Хлопотали о присвоении звания потомственного почетного гражданина г. Кяхты, подавали документы на права личного дворянства. Дело о признании прав личного дворянства с выдачей установленного свидетельства слушалось 10 декабря 1909 года. В итоге такое свидетельство было получено.

Срок обязательной воинской повинности для Михаила Молчанова истекал 1 октября 1910 года, а предельный срок пребывания в добровольном запасе должен был истечь 7 ноября 1917 года.

В адресной книге «Вся Москва на 1917», в самый канун революции, все еще значатся фамилии потомственных почетных граждан и их фирмы. Торговый дом, основанный Михаилом Молчановым и его двоюродным братом Андреем Молчановым назывался «А. и М. Молчановы и Быков». Между 1908-1915 годами существовал ТД «Молчанов—Быков», имеющий якутское отделение [7]. Несмотря на проживание по московскому адресу, Молчановы имели тесную связь с г. Томском. Там в собственном доме проживал брат, Никон Молчанов, который отвечал за томский офис ТД «Собенников и бр. Молчановы»; он эмигрировал в Китай с семьей в 1920 году. Молчановы имели не только дома в городе, но и дачные дома в г. Томске.

19 декабря 1917 года власть в г. Томске захватили большевики. Началась борьба за Сибирь. Многие бежали от большевиков в Китай; кто-то этим сохранил себе жизнь, но от того она не стала легче, а только временно безопаснее. Тех же, кто остался дома, поскольку родной дом всегда кажется ближе и надежнее другого, ждала страшная участь. Революционеры забрали Михаила Молчанова из загородного дома под г. Томском на расстрел, а его жена, Мария, от внезапно свалившегося на нее горя, потери единственного близкого ей человека, поскольку она была бездетна, получила инсульт. Парализованная была перевезена совсем дальними, но добросердечными родственниками в г. Москву, где и умерла. Эти сведения получены по воспоминаниям моих родных.

Восстанавливая в памяти жизни и дела забытых или совсем неизвестных людей, а также их потомков, связавших свои судьбы с Сибирью, мы тем самым заново открываем страницы истории прошлых столетий Азиатской части России. Таким образом мы отдаем дань людям, которые завоевывали для нас эти сибирские территории и охраняли их, строили и развивали города, положили начало промышленности, горному и торговому делу. Это люди, которые помогали церквям, приютам, богадельням, раненым, больным и нищим. Об этом свидетельствуют газеты того времени, Забайкальские, Иркутские епархиальные ведомости и даже Труды ИРГО Приамурского, Восточно-Сибирского отделов.

Благотворительность и меценатство всегда были большой поддержкой к развитию тех мест, в которых проживали и работали сибиряки. Поддерживались школы, в том числе церковно-приходские. В Троицкосавском округе (Кяхта), Цакирская школа на 29 мальчиков и 10 девочек была под попечительством — Алевтины Андреевны Молчановой (урожденной Нефедьевой) [14].

Несмотря на то что в генах многих сибиряков имеются восточно-азиатские вкрапления, люди были православного вероисповедования и истинно верующие. Так, по смерти моей прабабки Агнии Андреевны Молчановой, урожденной Нефедьевой, и по ее воле, 1 декабря 1899 года сын Михаил Александрович Молчанов жертвует немалые деньги в несколько церквей г. Кяхты: в Воскресную — 4%-й билет государственной ренты с купонами на сумму 5000 рублей в равных долях в пользу церкви и причта, а в Троицкосавскую Успенскую кладбищенскую церковь было внесено тех же билетов на сумму 9000 рублей, из которых 3000 рублей — в пользу церкви и 6000 рублей — в пользу причта [5]. Это были основательные суммы, если учесть, что Благотворительное общество такого крупного города, как Иркутск, собрало на конец этого же года всего 556 рублей [2].

Подводя краткий итог сказанному, надо помнить, что все, что перешло нам из царской России, — это заслуга, в частности, и всех перечисленных людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамов Н. Город Тюмень. — Тюмень, 1998.
2. Восточное обозрение (Иркутск). — 1899. — № 2. — 7 января.
3. Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных списках, как материал для истории Сибири XVII века. — Казань, 1892.
4. Гребельский П. Х., Мирвис А. Б. Дом Романовых. — Л., 1990.
5. Забайкальские епархиальные ведомости (Чита). — 1900. — № 23.
6. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / гл. ред. Д. Я. Резун, Д. М. Терешков. — Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1994-1997.
7. Краткий справочник по фондам ЦГА ЯАССР с фамилиями (1701-1985 гг.). — Якутск, 1989. — Якутское отделение ТД «Молчанов—Быков», ф. 418-и, 30-д, 1908-1915 гг.
8. Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII веке: исторический очерк. — Белград, 1894.
9. Куракин И. С. Чаша государева: литературный памятник XVII века. — М., 1907.

10. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. — Новосибирск, 2001. — (История Сибири. Первоисточники; вып. X).
11. Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. — Омск, 1988.
12. Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири // Очерки и заметки. Из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша, Оби. — Тюмень, 1878.
13. Памятная книжка Западной Сибири. — Омск, 1881.
14. Памятная книжка Забайкальской области на 1900 год. — Чита, 1900. — Церковно-приходские школы в Троицкосавском округе.
15. Сибирь и ее нужды // Русская старина. Т. XXIV, вып. 1-4. — Пб., 1879. — 155 с.
16. Сведения из фондов Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева.
17. Серебренников И. И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. — Иркутск, 1914.
18. Соловьев С. История России с древнейших времен // Соч. Т. 9. — 3-е изд. — М., 1875.
19. Там же.
20. Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). — Барнаул, 1999.
21. Шапов А. П. Соч. Т. 3. — СПб., 1908.
22. Нефедьевы в Сибири. — URL: <http://irkutsk.orthodoxy.ru/statiji/detail.php?ID=1311>